

Реванш by fandom Dead by Daylight 2021 (fandom_DbD)

Category: Dead by Daylight (Video Game), Stranger Things (TV 2016)

Genre: Don't copy to another site, Fanfic, Fanfiction, Gen, Mysticism, Post-Canon, Survival, WTF Kombat 2021

Language: Русский

Characters: Kate Denson, Meg Thomas, Nancy Wheeler, Steve Harrington

Status: Completed

Published: 2021-07-31

Updated: 2021-07-31

Packaged: 2022-03-31 10:20:58

Rating: Teen And Up Audiences

Warnings: No Archive Warnings Apply

Chapters: 1

Words: 4,123

Publisher: archiveofourown.org

Summary:

«Но ирония вся в том, что этого недостаточно. Недостаточно просто вернуться. Потому что такие места не отпускают. Потому что — Стив прав — на это подсаживаешься. Может, он отучил себя от этого; может, Нэнси сама не захотела себя отучать».

Реванш

Author's Note:

Полезные ссылки:

Персонажи (выжившие): [Мэг Томас](#), [Кейт Денсон](#),
[Нэнси Уиллер](#), [Стив Харрингтон](#),

Другое: [Сущность](#)

МЭГ

Я нашла. Это здесь.

45.023046, -68.931183

Координаты сброшены ссылкой. Номер незнакомый, но Мэг не нужно видеть имя отправителя, чтобы догадаться, от кого пришло сообщение.

Ей бы отложить телефон сейчас, ну, по всем правилам этикета. В конце концов, это она настояла на встрече. В конце концов, это ей (как думала она буквально минуту назад) нужен этот кабинет, и эти стены, и этот щелкающий метроном, и спокойное, мягкое лицо миссис Марш.

Правда. Ей бы взять себя в руки. Сунуть бы в карман чертов мобильник. Но — пульс зашкаливает нереально. Мэг становится жарко настолько, что между лопаток выступает пот.

Она жмет на ссылку. Мессенджер перенаправляет ее в Google Maps, концентрируется на точке в лесном массиве, неподалеку от трассы S221 между Брайфилдом и Гудзоном.

— Мэг?

Голос миссис Марш возвращает ее в реальность.

— У вас что-то случилось?

— Нет, — Мэг изображает подобие вежливой улыбки. Не ее это конек, если говорить честно. Она зажимает телефон между

коленей, хотя должна, по идее, спрятать его в карман. Убрать подальше. Не думать об этом сейчас. Не думать.

Слабо?

— Подруга написала, — зачем-то пробует оправдаться она, убирая с глаз длинную светлую челку. — Попросила о встрече.

— Вы можете ответить, если хотите.

— Нет. Нет, это... Подождет.

— Хорошо.

Миссис Марш замолкает. Обе они — замолкают. Мэг этого терпеть не может. Эти паузы. Эти секунды молчания. Почему они все это делают? Психотерапевты, в смысле. У них что, в каком-то регламенте написано, что они должны обязательно молчать?

— Я плохо сплю, — начинает Мэг.

— Вы из-за этого попросили о дополнительной встрече?

— Да. Мне кажется, Донормил не помогает.

— Хорошо, — отзывается миссис Марш, делая пометку в своем блокноте.

«Хорошо», «хорошо», что хорошего-то?

— Мне не удастся погрузиться в глубокий сон, — продолжает Мэг. — А когда удастся, мне снятся кошмары. В последнее время они стали слишком... — она вздыхает. Не знает даже, какое слово подобрать. Чтобы точно было, чтобы...

— Травмирующими?

Мэг хмурится, поднимая глаза на миссис Марш.

— Да, — соглашается она нехотя. — Да, травмирующими.

— Они связаны с Деборой?

— Нет? То есть. Я не знаю. — Мэг закидывает ногу на ногу и с усилием растирает лоб, словно это может помочь ей как-то справиться с тонкой, тянущей болью в висках. — Простите, а вы не могли бы?.. — Она указывает в сторону щелкающего метронома, и миссис Марш, не меняясь в лице, тут же протягивает руку, останавливая маятник.

Тишина.

Слава тебе господи. Наконец-то тишина.

Ну давай, беги, тварь! Что такое? Ножки подвели? Я убью тебя, сука, слышишь? Я тебя убью!

— Дебора ни при чем.

— Но вы не уверены?

— Почему мы всё время возвращаемся к ней?

— Потому что, — миссис Марш подается к ней ближе, ставит локти на свои колени, сплетает пальцы. Жест доверия. Поза, в которой большие мамы слушают своих маленьких девочек. Смешно. — Потому что вы сами никак не можете через это перешагнуть. Скажите, что вы чувствуете, когда речь заходит о Деборе?

— Вину? — предполагает Мэг самое очевидное. — Вы это ожидаете услышать?

— Нет. Я надеюсь дать вам некий толчок к осознанию, что именно с вами происходит. Мы занимаемся уже полгода, и за весь этот срок вы так и не ответили на вопрос, что именно спровоцировало вас тогда. — Миссис Марш разводит руками. — Это ведь не просто событие, которое произошло с вами и о котором вы тут же позабыли. Оно оставило на вас след. Оно... скорректировало вашу жизнь.

— Сломало мне жизнь, — зло подсказывает ей Мэг.

— Вы это расцениваете так?

— А как? — Колкий, едкий смешок застревает у Мэг поперек горла. — Как еще мне это расценивать? Меня отстранили от соревнований. Мне дали условное. Меня протаскали по всем комиссиями. В конце концов, меня сюда направили, я прихожу сюда, и я... — Она запинается. Пялится в одну точку, чувствуя, как от злости у нее будто вспухает горло. — Я не знаю, зачем прихожу сюда.

— Может, затем, что надеетесь получить помощь?

— Надеюсь, да. — Мэг кивает. Жгучие, непрошенные слезы заволакивают ей глаза. — Но вы мне не помогаете. Вы пичкаете меня пилюлями, и те не помогают тоже. И меня бесит. Бесит, что все вокруг помешались на Деборе. Все задают мне вопросы про нее. Следователи, журналисты, вы. Всем интересно, что там с Деборой, и никому нет дела до того, что произошло со мной.

— Мэг, — примирительно произносит Марш, — я говорю с вами о Деборе лишь потому, что это отразилось на вас. Я пытаюсь понять, что именно послужило для вас толчком. Когда сработал триггер. И почему он сработал.

— Забудьте. — Мэг раздраженно стирает слезы со своих щек и наклоняется, чтобы подхватить рюкзак с пола. — Вы мне не поверите. Всё это изначально не имело никакого смысла, мне никто не верит, но — знаете, что? Мне плевать. В каком-то веке мне плевать совершенно. Спасибо, — говорит она, поднимаясь с места и быстрым шагом направляясь к дверям. — Всего доброго.

Дебора. Дебора Конфилд.

Трехкратное золото в национальных соревнованиях по легкой атлетике. Идеальная комплекция, идеальный возраст, идеальная кандидатура для ступеньки мирового масштаба.

Она стояла в коридоре и радостно верещала в трубку своей матери о том, что снова взяла первое место. Пот и жар еще не сошли с нее, румянец горел на ее щеках, глаза радостно блестели. Мэг вышла из туалета, вытирая руки бумажным полотенцем.

Ей нужно было всего-то пройти мимо. Всего-то сделать вид, что эта запредельная, щенячья радость ее не трогает ни разу.

— Не могу поверить! Не могу поверить, что я это сделала, мам! Не могу поверить!..

Мэг тоже не могла поверить.

Точнее, даже не так. Она понять не могла. Как это всё работает здесь, *в реальном мире*. Каким образом человек, никогда не убегающий от смерти, смог перегнуть ту, которая сделала это своим хобби и каждый день пробегала «на завтрак» свою последнюю дистанцию.

Как-то по-идиотски всё. Система. В спорте важная система, конечно же Мэг об этом помнила. Только почему-то принять не могла.

— Ладно, я позвоню попозже. Пока. Пойду переоденусь.

Мэг помнит, как Дебора нажала отбой и погнала дальше по коридору. Помнит, как, пробегая мимо, она задела ее своим плечом. Наверное, именно в этот момент в Мэг лопнуло что-то. Что-то важное, что-то хрупкое, что-то, что из последних усилий сдерживало яд.

Ей просто затмило глаза.

В тот момент, когда из ее губ сорвалось «эй, Дебора», она не узнала свой голос. В тот момент, когда она схватила Дебору за плечо и со всей силы впечатала ее в стену, она не узнала свои руки.

Она била ее до тех пор, пока Дебора под ней не превратилась в дрожащий испуганный комочек, пока кровь не заблестела на ее прелестном личике, пока Дебора, всё это время умолявшая ее отпустить, наконец-то не замолчала.

Мэг помнит, как отшатнулась от нее. И помнит, как сказала ей: мне жаль.

Вранье это всё. Да, она так сказала.

Но, по правде, ей *никогда* не было жаль.

Солнце бьет по глазам, когда Мэг выходит из стеклянных дверей реабилитационного центра, и злость, которая всё это время ворочалась под сердцем колючим комком, наконец вырывается наружу.

Дебора. Дебора Конфилд.

Девочка-надежда, девочка-мечта, на которой, блять, просто помешался мир.

Никто не спрашивал Мэг, куда она пропала и что случилось с ней. Никто не спрашивал ее, как она перенесла смерть матери и сколько ей нужно было усилий, чтобы с достоинством ее похоронить. Никто не говорил ей, что всё будет хорошо и что она справится, когда она вставала рядом с Деборой на беговую дорожку.

Миру было плевать на нее. Ему всегда было на нее плевать.

Мэг давится слезами, опускаясь на белые мраморные ступеньки, и обхватывает себя руками, сжимая пальцы, что есть сил.

Дебора-Дебора-Дебора-Конфилд.

Она даже не убила ее, хотя могла. Она даже не выбила ей зубы, хотя могла. Она могла оставить Дебору инвалидом или уродом, а она не сделала ни того, ни другого. С Деборой не произошло *ничего*, за что ее следовало бы жалеть.

Истерика сходит быстро.

Мэг ловит блик солнца, отразившегося в игривых струях фонтана, и тянется к карману, доставая из него телефон.

«Когда?» — набирает она в ответ на входящее сообщение.

«Завтра, — отвечают ей практически незамедлительно. — Собираемся в 22:00 на точке. Успеешь?»

«Да».

КЕЙТ

Я нашла. Это здесь.
45.023046, -68.931183

Кейт гоняет трубочкой кубики льда в бокале, глядя на экран смартфона. Наклоняется, обхватывая ее губами, джин-тоник обдает язык холодом и горькой сладостью.

— Мисс Дэнсон.

Она оглядывается. Двое мужчин — Джон Престон, владелец клуба, и еще один, с которым она не знакома, — останавливаются возле барной стойки.

— Хотел представить, — говорит Джон, и Кейт, отложив телефон, поворачивается к ним с лучезарной улыбкой, отдавая всё свое внимание. — Это Томас Ригби. Мой друг и ваш давний поклонник.

— Неужели?

— Позвольте. — Томас мягко перехватывает ее руку, поднося к губам. Не целует — обозначает жест, — и улыбка на лице Кейт становится еще ярче. — Вы сегодня обворожительны.

— Только сегодня?

— Возможно, да, — пожимает плечом Томас. — Возможно, нет. Я впервые вижу вас так близко.

— И как впечатления?

— Очень сильные, — признается он. — Заказать вам что-нибудь?

— Нет, спасибо. — Кейт кивает в сторону своего бокала. — У меня еще есть.

— Предпочитаете тоник?

— Иногда что-нибудь покрепче. Но предпочитаю не напиваться, — говорит она честно. Престон, бегло пожелав хорошего вечера, удаляется, скрываясь в толпе; Томас, извинившись за что-то, за что, наверное, всегда извиняются галантные мужчины, спрашивает у бармена виски со льдом.

— Рад слышать, — продолжает он. — Знаете, я очень люблю заводить знакомства с творческими людьми вроде вас. Но, как правило, эти люди наоборот... Как бы выразиться.

— Ищут истину в вине?

— Да, точно.

— У меня другой сорт зависимости, — с вкрадчивой улыбкой признается Кейт, снова принимаясь гонять лед.

— Это какой же?

— Не наркотики. И не карты. — Кейт покачивается на каблуке, окидывая Томаса оценивающим взглядом. Хорошо сложен, не обременен лишним весом, не накачанный и не жилистый. Выше нее сантиметров на пятнадцать. Бегаёт, наверное, не очень. Бьет...

Кейт склоняет голову, без стеснения разглядывая его руки.

— Я не женат, — услужливо подсказывает ей Томас.

— Как знать.

— А вы не склонны доверять мужчинам.

— Ну почему же. Просто люблю, когда мужчины со мной откровенны. — Кейт легким жестом откидывает назад волосы, обнажая шею, и с веселым вызовом смотрит Томасу в глаза. — Вот, например, вы. Зачем вы ко мне подошли? Нравится кантри?

У Томаса из груди рвется рассеянный смешок.

— Нравится, — отвечает он всё же.

— Вот как. И какие исполнители кантри вам нравятся больше всего?

— Ну. Джонни Кэш...

— Джонни Кэш — это классика. Кто еще?

— Поймали меня. — Томас поднимает руки в примиряющем жесте. — Вот только как?

— Очень просто. Поклонники кантри обычно не приходят на вечеринку в костюмах. Они предпочитают джинсы.

— И что теперь? Дадите мне от ворот поворот?

— Ну почему же. — Кейт поддевает трубочку языком. — Мне теперь интересно, чем закончится наше знакомство. Если я скажу, что знаю хороший отель неподалеку, то вы...

— ...предложу оплатить нам номер.

— Бинго.

Осенний холод приятно лижет виски. Кейт не торопится застегивать пальто, хотя Томас позади нее несколько раз оборачивает шарф вокруг шеи. По улице они идут молча. Кейт ускоряет шаг. Томас, идя за ней, ускоряет его тоже.

Значит, не остановится. Не скажет даже: «Постойте, давайте насладимся прогулкой». Может, потому что ему холодно. А, может, он просто трус, который, как и все мужчины, больше всего трясется за то, что сегодня ему не перепадет.

Магазины и кафе с яркими горящими витринами остаются позади. Кейт приводит Томаса на перекресток, переходит с ним дорогу, ведет его в сторону моста. Уютные ночные улочки сменяются пустой трассой. Флер духов и табака сменяется запахом бензина и сырого асфальта.

— Кейт? — Томас окликает ее, когда они оказываются в зияющей пустоте между колонн автострады. Кейт оборачивается. — Тебе не кажется, что мы забрели маленько не туда?

— Нет, — отвечает она, окидывая взглядом битый тротуар и исписанные граффити столбы, скрытые в полумраке. — А должно?

— Не думаю, что здесь где-то поблизости есть отель.

— Я тоже.

— Тогда... — Томас делает шаг назад, крохотный такой шагок, но Кейт замечает его — и шагает вперед, не давая Томасу увеличить дистанцию. — Тогда я не совсем понимаю, что мы делаем здесь.

— Играем? — предполагает она самое очевидное, сбрасывая пальто так, чтобы обнажить плечи. — Или ты меня уже не хочешь?

— Хочу, но...

— Но — что? — Кейт хмурится, глядя ему в глаза. — Тебе неуютно? Тебе не нравится, когда что-то идет не по твоему плану? Когда твои ходы предугадывают наперед?

— Да о чем ты, блять, вообще.

— Я о том, — говорит Кейт, наклоняясь, чтобы подобрать с земли осколок стекла (Томас шарахается от нее прочь с ужасом в глазах), — что ты просто жалок. Такие, как ты. Вы жалкие. Думаете, что вы разводите нас? Что вы охотитесь на нас? Милый мой, — Кейт чувствует, как ее губы против воли растягиваются в ухмылке. — Ты даже представить себе не можешь, что такое *настоящая охота*. Мне осточертело жить в мире, где я — жертва. Так что, — она пожимает плечами. — Нет. Так больше не будет. Теперь я буду охотником. Ну а ты, — она выставляет перед собой осколок, и Томас отходит назад еще на два шага, — попался на мою приманку сегодня. А теперь проваливай, — цедит она сквозь зубы, прежде чем закричать во весь голос: — Проваливай! Прочь!

Он срывается. Сперва — бежит, потом переходит на скорый шаг. Оглядывается, бросает ей что-то в духе «психопатка» — Кейт всё равно.

Кейт запахивает пальто, бросает стекло, небрежно отряхивая руку, и тянется за телефоном.

— Алло, да, — выдыхает она, когда слышит в динамике знакомый голос. — Я получила твое сообщение, я еду. Скинешь смской, что нужно купить? Без проблем. До завтра, целую.

НЭНСИ

Детский смех разносится по всей улице, что, в общем-то, не мудрено. Здесь, в Хоукинсе, улочки маленькие. Здания похожи на кукольные домики с выкрашенными ровными заборами и зелеными лужайками, которые не цветут даже в сентябре.

Кажется, здесь ничего не меняется.

Никогда ничего не меняется.

Нэнси помнит, каким был этот городок в восьмидесятых, и смотрит на него теперь, спустя тридцать лет. Ее мама еще жива. Родители Стива — живы тоже. Всё в порядке. Их жизнь — в порядке. И все ведет себя так, будто ничего не произошло.

Будто она и Стив не выглядят, как подростки. Будто тот факт, что они пропали и вернулись назад, законсервировавшись, как насекомые в янтаре, не должен удивлять никого и ни на что не побуждать, кроме чтения «Отче наш» больше одного раза в день.

Чушь.

Нэнси толкает дверь, выходя на улицу.

Вранье. Кругом — одно сплошное вранье. Сказать честно? Ее это бесит.

Идя к дому, она перешагивает через детскую игрушку, какое-то мгновение борясь с желанием раздавить ее каблуком. Она жмет на кнопку дверного звонка, оглядываясь в сторону соседнего участка, на котором старая добрая мисс Патт поливает из лейки свои лилии.

— Нэ-э-энси, ты приехала! — Стив, появившийся на пороге, заключает ее в объятия прежде, чем она успевает сказать «привет».

— Да. Привет, — говорит она всё же и с тихим «спасибо» принимает приглашение зайти в дом.

— Роуз уже такая большая.

Юная миссис Харрингтон — Эмили Харрингтон — протягивает ей стакан с лимонадом, когда они все трое сидят в гостиной. За стеклянными дверями, на заднем дворе, в окружении прочей малышни бегают девочки, разодетая в праздничный костюм феи.

— Временами мне кажется, она чем-то похожа на тебя, — улыбается Стив. — Такая же вредная. С характером.

— О, так значит, я вредная? — с напускным возмущением спрашивает Нэнси, и Стив смеется, притягивая Эмили к себе ближе, чтобы мягко поцеловать ее в щеку.

— Конечно, — отвечает он. — Вообще не представляю, в кого у нее это. Ее родители — сущие ангелы.

— Ну, тогда ты прав. Видимо, это я учу ее плохому. Что ни визит, то повод подсказать ей, каким еще способом вытрепать вам двоим нервы.

С заднего двора слышится стук, дети взрываются визгом, Эмили, высвободившись у Стива из рук, с взволнованным «Роуз!» убегает к дверям.

Ну вот. Теперь они вдвоем.

Как-то сразу «не так» становится, правда, Стив? Без Эмили ты перестаешь быть таким легким, таким простым, таким смелым. Потому что теперь слишком много вещей напоминают тебе о том, как ты оказался здесь. В двадцать первом веке. Потому что теперь тебе приходится вернуться к мысли, что у тебя есть не только настоящее, но и прошлое.

Нэнси глядит на него прямо. В упор.

От улыбки на ее лице и следа не остается.

— Ты получил сообщение, — говорит она наконец, и Стив с тяжелым вздохом поднимается с дивана, растирая глаза. — Не ври мне, что ты его не получил.

— Получил, — говорит он, останавливаясь посреди гостиной и упираясь руками в спинку широкого белого дивана. — Получил, и? Что дальше?

— Ты знаешь, что. Надо ехать.

— Кому надо, Нэнс? Мне? — он выдерживает паузу, поймав ее взгляд. — Нихрена мне не надо. У меня всё есть. У меня есть работа, есть семья, моей дочери, между прочим, сегодня исполняется четыре. Знаешь, могла бы и поздравить, а не использовать это, как предлог, чтобы заявиться ко мне домой.

— Мне не нужен предлог.

— Вау. — Стив выдыхает с потрясенной улыбкой. — Нет, честно. Вот это просто вау!

— Да тебя разве самого не тошнит? — Нэнси не выдерживает, оставляя на столе треклятый лимонад, и идет за Стивом на кухню, когда тот, судя по всему, решает от нее сбежать. — Я в жизни не поверю, что ты вот так просто переступил через всё и забыл! Тебя не было тридцать лет. Тридцать гребаных лет. А потом ты возвращаешься — и просто начинаешь жить, как раньше?

— А что еще я должен делать? — Стив замирает у стойки, на которой разбросаны упаковки из-под праздничных шаров. — Прыгать из психушки в психушку? Глотать таблетки? Отдавать психотерапевту по сто долларов в час? Прости, Нэнси, что имею наглость жить, как и все, нормальной жизнью, а не ебать себе мозги, как это делаешь ты.

Нэнси складывает руки на груди, прислоняясь плечом к стене. Она закусывает щеку, наблюдая за тем, как Стив в светлом, идеально чистом кардигане, собирает по кухне мусор, отправляя

тот в синий полиэтиленовый пакет.

— Тебе снятся кошмары, — говорит она спустя десяток долгих секунд. — Не надо обманывать, будто нет. По тебе видно. Ты плохо спишь. Ты часто злишься. Ты выходишь из себя. Ты пытаешься заставить себя думать, что можешь жить, как все, но это не так. Потому что, идя по улице, ты всё время оглядываешься. И потому что под кроватью ты наверняка держишь битую. А мысль о том, что твоя дочь или твоя жена, не будут выходить на связь дольше шести часов, доводит тебя до истерики.

Стив молчит — долго, безнадежно. Он смотрит на нее, замерев посреди кухни с мусорным пакетом в руках.

— Не надо мне *врать*, — тихо цедит Нэнси. — Потому что я *знаю*, каково это. И ты прав, я приехала сюда не для того, чтобы поздравить твою дочурку. Я ради тебя сюда приехала. Сказать, что у нас есть шанс.

— Шанс чего?

— Взять реванш. Поквитаться. Назови, как хочешь.

— Ты несешь бред, ты в курсе? Какой реванш?

— Когда мы оказались там в первый раз, — упрямо продолжает Нэнси, — мы были не готовы. Мы были напуганы. Мы не знали, что делать, мы не знали, как попали туда и как вернуться обратно. Но теперь мы знаем. Я нашла точку, — говорит она. — Я рассчитала время. Мы войдем туда и сыграем по своим правилам. А потом вернемся. И когда мы сделаем это, мы все вздохнем свободно. Потому что оно перестанет нас мучить, понимаешь? Мы возьмем Сущность под контроль. Мы сделаем так, что нам больше не придется бояться. Ни за себя, ни за жизнь своих близких. И мы будем знать, что мы сможем защитить их в случае чего. Если ты не хочешь сделать это ради себя, сделай это хотя бы ради них.

Она жестом указывает в сторону стеклянных дверей, за которыми Эмили, присев на корточки, что-то рассказывает Роуз

и стайке окружившей ее детворы.

Стив смотрит туда вместе с ней. Секунду, другую. Цокает языком. Качает головой.

— Уходи, Нэнс.

— Я серьезно.

— Я тоже, — отвечает он. — Ты помешалась, в курсе? Ты сидишь на этой идее, как наркоманка. Хотя — посмотри на себя. Ты же она и есть. Ты не ради контроля это делаешь. Ты просто живой себя почувствовать не можешь. Ты живой себя чувствуешь, только когда оказываешься на грани смерти. Когда какая-нибудь очередная тварь скалит зубы в сантиметрах от твоего лица.

— Ясно.

Нэнси чувствует, как ей начинает предательски жечь глаза. Очень к месту, очень ко времени. Она опускает взгляд на свои туфли, сглатывая вязкий комок, подкативший к горлу.

— Откровение за откровение, — невесело улыбается она, коротко кивая. — Что ж. Это было честно. Биту не одолжишь?

— Без проблем, — соглашается Стив. — У выхода, там, сбоку. Шкафчик со спортивным инвентарем.

— Спасибо.

Бита ложится в ее ладонь, как влитая. Отдает приятной тяжестью в плечо. Нэнси примеривается, прокручивая запястье, долго выпускает из легких воздух, прежде чем рассечь его ударом наотмашь.

Хорошо.

Будет лучше, если на ее пути окажется не только пустота.

Она закидывает биту в машину, захлопывая багажник, садится за руль, проворачивая ключ зажигания в замке. Мотор отзывается тихим ревом. На улицу постепенно опускаются сумерки.

Семнадцать-ноль-две.

Ей ехать до точки четыре с половиной часа. Еще полчаса запасом. Всё, как нужно. Она успеет. Можно заехать по пути на заправку, подлить горючего в бак и взять пару шоколадных батончиков. Может, еще каких-нибудь спичек. Того, что может пригодиться в темноте.

Радио отзывается тихим шипением, когда Нэнси поворачивает переключатель. Ровные, переливчатые голоса сестер Йоханны наполняют пространство вокруг.

*Now the pale morning sings of forgotten things
She plays a tune for those who wish to overlook
The fact that they've been blindly deceived
By those who preach and pray and teach
But she falls short and the night explodes in laughter*

*But don't you come here and say I didn't warn you
About the way your world can alter
And oh how you try to command it all still
Every single time it all shifts one way or the other*

ТРОЕ

Машину Кейт Нэнси узнает сразу, как и ее саму, стоящую на обочине в пальто, сброшенном с нагих плеч.

— Тебе не холодно?

— А должно быть?

Кейт улыбается ей своей неповторимой, сияющей улыбкой, и обнимает ее, как только Нэнси подходит ближе.

— Мне никогда не холодно, — заверяет Кейт, когда они наконец отпускают друг друга, и тянется в карман, доставая упаковку с леденцами. — Будешь?

— Нет, спасибо.

— А где Стив?

— Не поехал, — Нэнси прищуривается, глядя в сторону дороги, когда замечает свет фар, показавшийся вдали. — Я пыталась уговорить его, но...

— Это его дело. — Кейт опускает руку ей на плечо, призывая посмотреть на себя. — Слышишь? Нэнс. Мы не имеем права толкать людей на такие решения. Такие решения должны приниматься самостоятельно.

— Да, — тихо соглашается она. — Да, я понимаю.

— Мы справимся вдвоем. Мы уже делали это раньше. И у нас, вообще-то, отличная команда.

— А Мэг...

— Она задержится, — опережает вопрос Кейт. — Она звонила мне три часа назад, сказала, что движение затруднено на выезде из города.

— Это не ее машина? — Нэнси снова оборачивается в сторону приближающегося света, и Кейт, прикрыв глаза рукой, вытягивает шею, силясь рассмотреть номер.

— Похоже, что ее...

— Ее.

Мэг хлопает дверью, выходя на дорогу. Запахивает джинсовку, уверенным твердым шагом направляясь к ним. Даже в полумраке видно, как похудело ее лицо. На фоне вечно сияющей Кейт Мэг кажется вдвойне измученной, и, если честно, за всё то время, пока они не виделись, Нэнси так и не придумала, что стоило бы сказать ей такого при встрече.

Ее хватает только на короткое «мне жаль».

Мэг кивает, оглядываясь зачем-то на припаркованные у обочины машины. Закусывает губу, опуская глаза на свои руки, и долго, мучительно молчит.

— Она этого не заслужила, — говорит Мэг наконец; имя «Дебора» само собой всплывает на уме у каждой.

— Ну и что, — отмахивается Кейт. — Мы тоже всего этого дерьма не заслужили, а расхлебываем. Жизнь несправедлива. Иногда огребаешь по морде просто потому, что тебе судьбой уготовано. — Она протягивает Мэг пакетик с леденцами. — Конфетку будешь?

Чем дальше они заходят в лес, тем гуще становятся сумерки за их плечами. В самом начале они шли по тропе; теперь та исчезла, и под ногами у них продавливается мягкая влажная земля, вся сплошь покрытая порослью. Нэнси морщится, когда незамеченная голая ветка, царапает ее по щеке. Идущая следом за ней Кейт пригибается, отводя сучья руками, и Мэг наклоняется по инерции тоже, выставя перед собой ладонь.

— Сколько нам еще идти?

— Не знаю. — Нэнси останавливается, переводя дыхание. Она светит назад, на протоптанную ими дорожку, затем снова вперед, где мрак сгущается настолько, что свет фонаря не пробивается дальше пяти метров. — Оно должно быть где-то здесь. Может, стоит, взять правее.

— Или вообще не нужно никуда брать, — вмешивается Мэг, подходя к ней ближе. — Слышите?

Они дружно замолкают. Прислушиваются к гробовой тишине, в которой нет ни стрекота цикад, ни крика ночной птицы. Фонарь у Нэнси в руке гаснет, затем разгорается снова — и снова теряет свет.

— Мы близко.

— Наверное, — замечает Кейт, — самое время спросить, точно ли мы этого хотим?

Они переглядываются — то ли решительно, то ли настороженно.

— Я — да. — Первой отзывается Нэнси.

Мэг молча кивает вслед за ней.

— Ну тогда вперед. — Кейт поднимает свой фонарь выше и, оправив лямку рюкзака, делает шаг.

Темнота смыкается за ними, опуская им на плечи едва ощутимый морозный полог. Темнота дышит им в их лица и в их затылки, берет их в бархатное, плотное, непроглядное кольцо, и — Нэнси знает — им всем сейчас страшно. Она знает, что в эту секунду у каждой из них в груди замирает сердце, а потом подсказывает до самого горла, когда жуткий, знакомый шелест раздается где-то совсем-совсем рядом.

В прошлый раз они не были готовы. Никто из них не был готов.

В прошлый раз их бросили сюда, как бросают козлят в загон льву. Кто-то посмеялся над ними. Кто-то сказал, что здесь им суждено умереть. И — Кейт права, вообще-то.

Никто из них этого не заслуживал.

У них были семьи и были люди, которых они любили. Они не были ворами, они даже не были убийцами. У каждого было место, куда он мечтал вернуться, — и не каждому повезло оказаться в том месте снова.

Но ирония вся в том, что этого недостаточно. Недостаточно просто вернуться. Потому что такие места не отпускают. Потому что — Стив прав — на это подсаживаешься. Может, он отучил себя от этого; может, Нэнси сама не захотела себя отучать.

Этого она не знает, но зато она знает другое. Что теперь всё будет иначе. Они сыграют. Они сделают это по своим правилам. Потому что теперь они не боятся смерти.

Потому что — да. Смерть — это не выход. Но, помимо всего прочего, смерть — нихрена еще не конец.

Author's Note:

Интересный факт о спонсоре выкладки:

Это дополнение ввело в игру только выжившего — [Билла Овербека](#). Его соратники из оригинальной игры пришли в Dead by Daylight в виде [скинов](#) на выживших. Но этот факт не слишком интересный. Гораздо интереснее вот что: Билл появился в игре с тремя навыками, один из которых — "[Несокрушимый](#)", который позволяет выжившему один раз за игру самостоятельно встать из предсмертного состояния (обычно для этого нужна помощь других). За это навык для краткости был назван коротко: стояк.

Так что от игроков регулярно можно услышать такие реплики: "дед был со стояком", "у Стива стояк", "я лучше Лори повешу, вдруг у нее стояк будет". И никого это не удивляет.

[Источник для DLC-спонсора](#)

[DLC-спонсор в DbD-wiki](#)

[DLC-спонсор в Steam](#)

[Твиттер команды](#)

[Мастер-пост и деанон](#)